

Прежде

Олвитанцев я не виню.

Трудно винить тех, кто заплатил столь страшную цену за ошибку, которую на их месте совершил бы любой. Полагаю, даже я, оказавшись по другую сторону нашей сказки, повернула бы тот злосчастный ключ.

И застыла бы, пораженная твоей красотой. И рыдала над незавидной твоей участью. И мстила повинным в твоих печалях.

Уверена, явись я к подножию черной башни впервые, тоже не устояла бы перед призрачной хрупкостью тонкой девичьей фигурки, что тенью промелькнула в вышине и растворилась, вырвав лишние удары сердца из моей груди. И только золото волос, змеей скользнувших по балконным перилам, убедило бы меня, что ты не сон.

И как и олвитанцы, я бы тотчас поняла, что барды, воспевавшие трагедию твоей жизни, не лгали ни единым словом. Да, языки людей длинны, а ноги слухов еще длиннее, но как не бывает дыма без огня, так не бывает и вымысла без истины. И поскольку о тебе говорили много лет, я бы тоже слышала эту историю...

Про злую ведьму, что заточила собственную дочь в башне и прядла из ее волшебных волос чары дурманящие, смертельные. Про то, что дочь эта даже не родная, а выторгованная у самого короля за какую-то пакостную чародейскую услугу. Про годы лишений, одиночества и ожидания... спасителя.

Я бы захотела стать таким спасителем. За один твой добрый взгляд. За одну улыбку.

И олвитанцы захотели.

Так что нет, я не виню их за кровь нашей матери на моих руках. За боль, пронзившую мой живот раскаленной сталью. За жуткий скрежет повернувшегося в замочной скважине ключа.

Не виню.

В конце концов, им сказали, что в башне живет принцесса.

А в башне томилась ты.



ЧАСТЬ I
ПРИНЦ
И ВЕДЬМА





Глава 1

Птица в мешке

Когда ты появилась на свет, моей матери не было и шестнадцати, и она, как прочие юные фрейлины королевы, бледным извоянием стояла у ее покоев и вслушивалась в предсмертные крики роженицы за дверью.

Когда король решил тебя убить, моя мать уже и сама была на сносях, но это не помешало ей — единственной — воспротивиться своему господину.

Когда мне было пять, а тебе восемь, матушка рассказала нам о тех днях. И о твоей немислимой стойкости: ты молча пришла в этот мир и молча готовилась его покинуть.

Теперь ты так же молча сжигаешь дотла города.



Бронак встречается меня с равнодушием древнего исполина, даже не заметившего очередной букашки

в своих ветвистых корнях. Его длинные пыльные улицы, точно узловатые пальцы старика, цепляются за каменистый берег моря, а на изъеденных солью и временем стенах домов каждую секунду появляются новые трещины-морщины. Солнце давно перевалило за полдень, но по меркам столицы людей на рыночной площади почти нет, и все равно здесь больше жизни, чем я видела за долгие месяцы пути. Я даже слышу детский смех — тихий и неуверенный, но прекрасный, как трель иволги.

Бронак готов очнуться от послевоенного сна. И я надеюсь, что следом воспрянет и все королевство.

Мои крепкие скрипучие сапоги стучат по бесцветным мостовым тысячелетнего города; в заплечном мешке недовольно ворочается Кайо — ему тоже хочется взглянуть на колыбель, с которой началась наша жизнь и где мы никогда не были. Но свет слишком яркий и до заката еще несколько часов, придется ему потерпеть.

Улицы пахнут морем и порохом, большая часть окон заколочена, и только несколько домов на моем пути сверкают новенькими стеклами. Я щурюсь, ослепленная отскочившими от их глади солнечными лучами. Щурюсь и улыбаюсь.

Да, Бронак открывает глаза. Наконец-то.

Трудно представить, каким он был прежде. Может, и впрямь усыпанным красочными витражами, золотыми флюгерами, багряными стягами да брызгами неумолчных фонтанов, как рассказывала мама. А может, таким же, как теперь, — словно выцветшим на солнце и припорошенным пеплом сторевавших судеб.

Мне, в общем-то, все равно. Уверена, я любила бы его любым, выпади мне шанс расти на этих улицах,

а сейчас все здесь мне чуждо — независимо от яркости цветов и витиеватости узоров на фасадах. Сердце не ёкает, не стучит в висках судорожным «дом, дом, дом», не полнится тоскою и радостью. Это просто еще один город на моем бесконечном пути, хотя, вероятно, на дворцовых руинах все будет иначе. На дворцовых руинах мне вряд ли удастся противиться зову прошлого, однако туда я как раз не спешу, словно пытаюсь оттянуть миг неизбежной встречи с самыми жуткими деяниями твоих рук.

Вместо этого еще добрый час я толкаюсь на рынке, впитывая его разноголосицу, затем сворачиваю в проулок и по запаху нахожу неприметную едальню, манящую прохладой полупустого зала и ароматом свежей сдобы. У стойки, нависнув над пузатыми кружками, о чем-то шепчутся два старика, да трое одиночек обедают за щербатыми столами — вот и все здешние гости. В мою сторону никто даже головы не поворачивает, несмотря на громко скрипнувшую и хлопнувшую дверь, и я спокойно пробираюсь в дальний угол, откуда всех видно, а если повезет, то еще и слышно.

Через секунду рядом появляется угрюмый трактирщик, на удивление молодой, но такой же серый и поникший, как сам город, и равнодушно перечисляет короткий список нехитрых мясных блюд, которые я могу получить, и с десяток видов хлеба, от ягодного до имбирного. Он же чуть позже приносит мне рагу и душистый взвар и снова растворяется где-то на задворках, а посетители меж тем даже поз не меняют и жуют, кажется, еле-еле.

Я, не сдержавшись, разглядываю их исподлобья, да толку никакого: один, поджарый и плечистый, с вы-

бритыми висками и черным ежиком волос, не поднимает лица от тарелки; второй, тонкий и гибкий, не снимает капюшона; старики сидят ко мне спиной, и лишь грузный и явно обеспеченный бородач виден как на ладони, но совершенно мне не интересен.

Я быстро отвожу глаза, пока не привлекла ничего внимания, и набрасываюсь на первую за долгое время горячую пищу. И до того увлекаюсь, что вздрагиваю, когда один из стариков подает скрипучий, как ржавое колесо, голос:

— Эй, Охотник, ты ведь тоже его видел! Скажи этой развалине, что я не брешу.

— Кого видел? — вяло отзывается, очевидно, Охотник, сидящий за ближайшим ко мне столом, при этом так и не поднимая головы от давно опустевшей тарелки.

— Кого-кого, олвитанца безглазого. Почитай, седмицу слепо по округе шарит да на руинах дворцовых сидит — никак яйца высиживает. Али вру?

Наверное, я перестаю дышать, потому что зал подергивается дымкой и начинает вращаться, но тихонько вскрикнувший Кайо приводит меня в чувство. Он так и сидит в мешке и, встрепенувшись, едва не падает со скамьи — я едва успеваю ухватить холщовую лямку. Едоки же на птичий клекот внимания не обращают, но беседа о безглазом олвитанце их слегка оживляет.

— Не врешь, — наконец отрывается от тарелки Охотник, и я вижу, что левая сторона некогда красивого лица совсем еще молодого мужчины изборождена глубокими шрамами. — И впрямь ходит слепой по городу, про королей да принцесс расспрашивает и на руинах гнезда вьет. Бургомистр послал было нас его прогнать, да жалко ж калечного.

— Ишь, жалостливый какой, — фыркает бородач за соседним столом. — Будто сам не калечный.

— Правый глаз у меня отлично видит, — отвечает Охотник, — мимо морды твоей не промахнусь. Да мимо такой и слепец бы не промахнулся...

— Вражину бы с таким пылом гнал, как своим угрожаешь, — встречается третий, скинув капюшон и внезапно оказавшись худощавой девушкой с толстой рыжей косой и чистым, звонким голосом.

— Да какой из него вражина — шагу без палки ступить не может.

— И поздно его уже гнать, — поддерживает затеявший этот спор старик. — Вот года три назад надо было корабли их на подходе топить, а вы встречали как дорогих гостей. Теперь жизнь у них не слаще нашей.

— А то и горше, — бормочет его сосед, — раз к нам побитые ползут.

После изначального тягостного молчания столь бурная беседа, да еще и на волнующую меня тему, сбивает с толку. Я ошалело моргаю, прижимая к груди мешок с притихшим Кайо, и перевожу взгляд с одного незнакомца на другого. Я, конечно, хотела послушать местные сплетни, но они будто нарочно... Не бывает таких совпадений.

— А ты что думаешь, парень?

Я не сразу понимаю, что вопрос обращен ко мне, и несколько секунд молча глазею на задавшего его Охотника.

— Я? — уточняю внезапно севшим голосом.

— Ты, ты, — хмыкает первый старик — лысый как коленка. — Или думал, мы все тоже слепцы, что тот олвитанец, и чужака не приметим?

Его седой приятель кивает.

— Приметим-приметим. Но на еще одного олвитанца ты не тянешь, уж больно бледный.

— И мелкий, — вновь фыркает бородач.

— Для тебя все мелкие, в ком хотя бы пяти пудов не наберется. — Девушка закатывает глаза.

— Я не олвитанец, — быстро вставляю я, почти сползая под стол.

Раз уж приняли за парня, то и не стоит доказывать обратного, хотя обмануть кого-либо я не стремилась. Просто нет во мне девичьей мягкости, давно нет, а волосы так и вовсе с самого детства ниже плеч не отрастают — твоя месть за неосторожно брошенное слово.

— Так что скажешь, не олвитанец? — вновь спрашивает Охотник, прищулив правый глаз. Левый под гнетом шрама и так остается закрытым. — Стоит прогнать слепого из города или пусть себе бродит?

— Зачем гнать, если зла от него никакого, — тихо отвечаю я, и здесь бы остановиться, но я слишком долго молчала. — Всякий может в беде оказаться, лучше б спросили, чем помочь.

— Тьфу, никак святошу к нам занесло, — сплевывает лысый старик и вдруг отворачивается, вновь нависнув над кружкой.

Остальные четверо и затаившийся в тенях трактирщик согласно гудят.

— Ты тут поменьше помощь ближнему проповедай, малец, — советует напоследок Охотник, не то скривившись, не то улыбнувшись, — или вперед слепого из города погонят.

И на этом они теряют ко мне всякий интерес. Рыжая быстро подсаживается к Охотнику и, склонившись, что-то жарко шепчет в его уцелевшее правое

ухо. Их грузный собеседник в который раз фыркает, бросает на стол монеты и размашисто шагает к выходу. Старики тихонько ворчат друг на друга, похоже, продолжая спор в более тесной компании. А надо мной вновь нависает тень трактирщика.

Вот только смотрит он не на меня, а на мой чересчур подвижный мешок.

— Выпусти тьму, — говорит наконец трактирщик, не дождавшись от меня ни слова. — Здесь никто не обидит.

Я не удивлена, что он знает про мою вторую половину. Думаю, все здесь знают, раз уж с ходу обозвали святошей, и зла никто из них действительно не причинит. Вот только мешок защищает Кайо отнюдь не от людей и даже не от монстров. Мешок бережет его от любого проблеска солнечного света, а обеденный зал, несмотря на затененность, все-таки не глухой подпол. Мало ли, занавеска на окне дрогнет, или дверь кто-нибудь распахнет так широко, что лучи и до нашего угла дотянутся.

Кайо не просто тьма, которая отделилась от меня, как и от всякого пастыря, в раннем детстве, позволяя целиком сосредоточиться на светлых чарах. Нет, он лишь часть этой тьмы, ибо остальное вернулось в мои вены в миг недолгой смерти, и теперь Кайо недостает силы сопротивляться солнцу.

Неуязвим он только по ночам.

Я неуверенно качаю головой, накручивая на запястье лямку.

— Моя тьма особенная, — все же объясняюсь полупшепотом я.

Вряд ли трактирщик что-то понимает. Он хмурится, сверлит взглядом мешок, будто надеется прожечь

в нем дыру или увидеть сквозь плотную ткань, но затем все-таки кивает и снова уходит.

Я стараюсь доесть побыстрее. Вдруг начинает казаться, что каждый в этих стенах в курсе, кто я такая, что задумала и куда направляюсь. И разговоры их неслучайны, и на тьму мою они хотят взглянуть, убедиться...

Глупость, конечно, несусветная. Обо мне и в лучшие времена никто не знал, так с чего бы чему-то меняться сейчас? Но доводы разума спокойствия душе не добавляют, и, быстро сунув оставшийся кусок хлеба в карман, а на стол положив несколько монет, я вскакиваю, готовая уйти.

И утыкаюсь носом в широкую грудь Охотника.

— Мы проводим, — слышу я над головой его тихий голос и отшатываюсь.

Они стоят плечом к плечу, Охотник и рыжая. И смотрят на меня одинаково насмешливо и будто с жалостью.

— Куда? — переспрашиваю глупо.

— Во дворец, — чеканит рыжая, и они, развернувшись, шагают к выходу.

А мне ничего не остается, кроме как бежать следом.



Рыжую зовут Искра, и я не решаюсь уточнить, настоящее это имя или прозвище. Сама я не представляюсь, да никто и не спрашивает, хотя мы плетемся прочь от заходящего солнца уже не менее получаса. Им будто плевать, кого провожать, и развлекать меня беседой никто не собирается, а я всю дорогу мучаюсь догадками, но рот упрямо держу закрытым. Это почти несложно... я привыкла.